

Одинъ изъ людей Юсифа Сѣмашко.

(Къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи).

тошедшая отъ насъ жизнь представляетъ не мало поучительнаго не только въ явленіяхъ болѣе вѣской исторической цѣнности, но и въ скромныхъ дѣяніяхъ идейныхъ тружениковъ, сохранившихъ любовь къ родному уголку, заботу о его благѣ.

Эти скромные дѣятели забытыхъ жизнью уголковъ, привыкшіе къ бодрой работѣ, терпѣливые, настойчивые, старались поддержать извѣстный уровень духовныхъ интересовъ, пробуждали по мѣрѣ силъ лучшія стремленія въ окружающей косной средѣ.

Въ незамѣтныхъ, глухихъ уголкахъ часто можно наблюдать явленія, которыя ближе знакомятъ насъ съ народностью въ ея первоначальной, не тронутой сторонними вліяніями основѣ, не заслоненной крупными фактами и жизнью болѣе сложнаго характера.

Поучительно видѣть, какъ отражаются завѣты извѣстной эпохи въ умахъ пытливыхъ, въ искреннихъ сердцахъ людей, работающихъ въ тиши, безъ надежды на признаніе своихъ заслугъ современниками, не говоря уже о потомствѣ.

Очеркъ личности и дѣятельности одного изъ послѣднихъ поборниковъ школы Юсифа Сѣмашко представляетъ настоящая статья. Въ этой скромной дѣятельности слышатся отголоски прошлаго Бѣлорусіи, выступаютъ силуэты нашей религіозной жизни въ глухомъ уголкѣ, куда забросила судьба русскаго человѣка. На этомъ сѣромъ фонѣ, гдѣ жизнь не отличается ни сложностью, ни широтою, мы

можемъ наблюдать явленія, однородныя съ тѣми, которыя, при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, получили опредѣленное развитіе, дали осязательные результаты.

Познакомимся сначала съ ареной, на которой нашла себѣ мѣсто дѣятельность скромнаго поборника церковно - общественнаго идеализма. Основой этого направленія были тѣ начала, которыя выработала народная жизнь бѣлорусса въ ея религіозной окраскѣ, а также сознательная работа лучшихъ представителей духовенства, съ особенной яркостью выразившаяся въ плодотворной дѣятельности митрополита Юсифа Сѣмашко.

Среди ивородческаго племени, населяющаго Ковенскую губернію, тонуть, какъ отдѣльные оазы, разбросанныя тамъ и сямъ скудныя русскія поселенія. Эти скромныя авангарды русскаго крестьянства двигаются въ сѣверо-западный уголь Литвы, старую Жмудь, и въ исторически бытовомъ отношеніи представляютъ явленіе въ извѣстной степени поучительное. Они создались отчасти на исторической почвѣ, отчасти являются позднѣйшими административными насажденіями. — Старое стихійное стремленіе русскаго человѣка искать воли, бѣжать отъ тяготы, устремляетъ его не только на отдаленный востокъ и благодатный югъ, оно заставило его переходить въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ черезъ литовскій рубежъ.

Не только Вѣтка, явившаяся центромъ старообрядчества, но и восточныя части Литвы привлекали русское старообрядческое населеніе. И теперь главная масса старообрядцевъ населяетъ уѣзды Новоалександровскій и Вилькомирскій, самыя восточныя, прилежащія къ Витебской и Виленской губ. Слѣды русскаго населенія въ Ковенской губ. сохранились въ историческихъ памятникахъ. Въ городѣ Бреславль, нынѣ мѣстечко Новоалександровскаго уѣзда, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка были православныя церкви и два монастыря, мужской и женскій. Въ глубинѣ Литвы были православныя монастыри въ м. Кейданахъ (Ковенскаго уѣзда) и Сурдегахъ (Вилкомирскаго уѣзда); послѣдній изъ этихъ монастырей существуетъ и въ настоящее время. Эти монастыри служили религіозными центрами для русскаго населенія, осѣвшаго по Нѣману и его сѣвернымъ притокамъ.

Событія 1863—64 г. г. заставили обратить вниманіе на положеніе русскаго населенія этой забытой окраины. Вспомнили, что и этотъ глухой уголокъ обширной имперіи не былъ чуждъ русскаго элемента утвердившагося здѣсь совершенно самостоятельно, но лишенаго поддержки правительства и культурной связи съ коренными русскими областями. Съ этого времени начинаются попытки усилить его количественно и возвысить его духовный уровень. Въ

этомъ порубежномъ съ Пруссіей краѣ начинается приливъ русскихъ поселенцевъ, вызванныхъ, однако, не изъ внутреннихъ губерній, населеніе которыхъ, сильное духомъ общиннаго начала, могло бы дать насельниковъ, способныхъ сохранить и на далекой окраинѣ въ чистотѣ родной языкъ, народный типъ, внести въ жизнь глухого, не знающаго ни развитія кустарныхъ производствъ, ни отхожихъ промысловъ края присущее великороссу разнообразіе промысловъ. Поселенцы были вызваны изъ сосѣдней Курляндской губерніи, въ которой они въ значительной степени утратили и чистоту языка и ясность религіознаго и племеннаго самосознанія. Трудно было свѣ- жему человѣку узнать русскаго въ этомъ тщедушномъ, низкоросломъ, говорившемъ на своеобразномъ нарѣчій субъектѣ, этомъ „русскомъ тутейшей парафіи“ (здѣшняго прихода), какъ зачастую рекомендовалъ себя мѣстный поселенецъ. Сразу бросалась въ глаза рѣзкая разница между нимъ и рѣчистымъ, смѣлымъ, живымъ, щеголеватымъ старообрядцемъ, не утратившимъ ни сметки, ни бойкой рѣчи, ни симпатичнаго открытаго облика великоросса, сумѣвшаго поставить себя въ глазахъ угрюмаго и робкаго туземца.

Приглядываясь ближе къ жизни этого своеобразнаго русскаго населенія, невольно приходилось проникаться участіемъ къ нему. Глухое односелье, одинокая заброшенная избушка гдѣ-нибудь на краю мѣстечка или деревни, уголь у хозяина-литовца — вотъ тѣ сельбища русскаго человѣка, о которыхъ такъ краснорѣчиво писалось въ официальныхъ отчетахъ.

Съ грустнымъ чувствомъ приходилось приглядываться къ этимъ людямъ, являвшимся въ церковь цѣлыми семьями въ праздники Рождества и Пасхи. Не радость праздника, а какое-то подавленное, скорбное умиленіе виднѣлось на этихъ робкихъ невзрачныхъ лицахъ. Тихо и сосредоточенно оглядывали они рѣдко видимыя ими благообразныя иконы, церковную обстановку, прислушивались къ хоровому пѣнію, медленно и учащенно крестились. Не въ одну угнетенную душу лилось умиленное пѣніе, проникали слова вѣковыхъ народныхъ молитвъ. При взглядѣ на этихъ людей, молодое воображеніе невольно переносилось въ ихъ мрачные углы, убогія жилища, рисовалась жизнь покинутаго простаго человѣка, лишеннаго утѣхи въ родной молитвѣ, родной пѣснѣ, близкой сердцу родной рѣчи.

То, что связывается въ нашемъ представленіи съ этнографическимъ и художественнымъ (напр. у Некрасова) типомъ бѣлорусса, находитъ свое полное выраженіе въ мѣстномъ русскомъ поселенцѣ. Поучительно наблюдать его тамъ, гдѣ онъ собирается міромъ, на базарѣ, церковномъ праздникѣ и т. п. Вездѣ бросается въ глаза его

замкнутость, бѣдность жизненныхъ впечатлѣній, то безучастіе къ окружающему, которое не даетъ возможности развиться заложеннымъ въ душу силамъ.

Однимъ изъ главныхъ тормозовъ прочной русской колонизаціи въ Литвѣ и на Жмуди являлась крайняя разбросанность русскаго населенія.

Трудно себѣ представить размѣры этой дробности, этотъ этнографическій атомизмъ. Живо вспоминается, какое тягостное впечатлѣніе производило на пишущаго эти строки, тогда гимназиста и студента поповича, чтеніе росписей православнаго населенія по приходамъ. Цѣлые листы пестрѣли цифрами $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, 1—3 для обозначенія числа дворовъ и душъ русскаго населенія. Приходы въ 300—400 человекъ были разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстечкахъ и десяткахъ деревень и односелій. Къ этому нужно присоединить крайнюю малочисленность церквей. На три сѣверные уѣзда Ковенской губерніи приходилось не болѣе десятка церквей, не считая городскихъ.

Можно себѣ представить, насколько могъ быть высокъ религиозный и національный уровень развитія „русскихъ“ поселенцевъ. Въ храмѣ они могли бывать самое большее 5—6 разъ въ годъ. Даже народные учителя не могли достать положенныхъ имъ почтовыхъ лошадей, чтобы съѣздить въ церковь, не рискуя возстановить противъ себя волостныя власти, которыя подчасъ были и почто-содержателями ¹⁾.

Самыя церкви даже въ болѣе людныхъ поселеніяхъ строились весьма медленно и возникали поздно. Такъ въ уѣздномъ городѣ Тельшахъ (наиболѣе глухой уѣздъ) и въ мѣстечкѣ Благовѣщенскѣ (прежде Хвалыне-Шавельскаго уѣзда) церкви были построены въ 1867 году. Около того же времени окончена постройкой церковь въ г. Шавляхъ, бывшая до того времени домовою. Были факты и болѣе печальные.

Село Никольское (прежде Гегобросты) Поневѣжскаго уѣзда въ теченіе 25 лѣтъ не имѣло церкви, хоть въ окрестностяхъ жила не одна семья поселенцевъ. Официальная переписка о постройкѣ церкви въ этомъ селѣ возникала и прекращалась нѣсколько разъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Лучшіе люди изъ мѣстнаго духовенства, зная

¹⁾ Для иллюстраціи изложеннаго характеренъ фактъ, заимствованный изъ официальной переписки. Въ 1871 г. одно семейство поселенцевъ, у котораго былъ покойникъ, исколесило двѣсти верстъ въ поискахъ священника. При разбросанности приходскаго населенія послѣдняго не всегда можно было застать на мѣстѣ. Поѣздки за 25—30 верстъ въ церковной практикѣ священника были дѣломъ обычнымъ.

свою администрацію, старались ковать желѣзо, пока горячо, но усилія ихъ обыкновенно разбивались объ отсутствіе казенныхъ, средствъ. Къ началу 80-хъ годовъ перестали отпускать казенныя суммы на построеніе помѣщеній для причта, исходя изъ довольно страннаго для нерусской окраины принципа, что подобнаго рода постройки должны быть возводимы на средства прихода, т. е. двухъ трехъ сотенъ бѣдныхъ поселенцевъ.

Спорадическое русское населеніе нуждалось во вліяніи церкви, школы, просвѣщенной администраціи. О степени вліянія церкви можно судить на основаніи вышележащаго, что же касается школы, то послѣдняя получила болѣе или менѣе правильную организацію позже, съ половины семидесятыхъ годовъ, послѣ открытія мѣстной учительской семинаріи въ г. Поневѣжѣ. Оттуда стали выходить вполнѣ подготовленные народные учителя изъ дѣтей мѣстныхъ поселенцевъ или же пріѣзжихъ бѣлоруссовъ. До того времени народными учителями были вызванные изъ внутреннихъ губерній воспитанники духовныхъ семинарій, изъ которыхъ большинство съ теченіемъ времени уходило въ гражданскую службу. О личномъ вліяніи духовенства будетъ сказано ниже, теперь же остановимся нѣсколько на характерѣ мѣстной администраціи.

Послѣдней были свойственны всѣ тѣ качества, которыя создали ей незавидную славу въ памяти мѣстнаго населенія. Нужно сознаться, что большинство чиновничества стояло невысоко не только въ служебномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ хроникѣ мѣстныхъ клубовъ сохранилось много фактовъ, что чиновники проигрывали въ одинъ вечеръ цѣлыя сотни рублей. Въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи въ теченіе четырехъ—пяти лѣтъ были уволены за лихоимство предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей, воинскій начальникъ и два мировыхъ посредника. По этимъ фактамъ можно судить, каковы были низшіе агенты мѣстной администраціи. Приемы управленія губерніей напоминали традиціи „Тысячи душъ“ Писемскаго. Калиновичей, впрочемъ, Жмудь не знала, какъ не знала администраторовъ, болѣе высокаго типа. Попытки духовенства сдѣлать что-либо для своихъ приходовъ встрѣчали со стороны мѣстной администраціи въ лучшихъ случаяхъ слабое содѣйствіе. Постройка церквей усиленно началась послѣ 1863—64 гг.

Позднѣйшіе факты построенія церквей единичны, и самыя церкви болшею частью деревянныя, скупо обставленныя. Намъ извѣстны случаи построенія четырехъ—пяти церквей въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи въ теченіе тридцати лѣтъ. Церкви, столь близкія душѣ русскаго человѣка, въ сѣверо-западной окраинѣ имѣли особое значеніе, если имѣть въ виду религіозность мѣстнаго

населенія, огромность и богатство старинныхъ городскихъ (напр. Шавельскаго) и нѣкоторыхъ мѣстечковыхъ (напр. въ м. Ракишкахъ), костеловъ, являясь необходимымъ противовѣсомъ чуждому религіозному вліянію.

Недологъ былъ медовый мѣсяць переселенческаго дѣла. Русскія села въ 500—600 чел. сохранились въ числѣ четырехъ, пяти для всей губерніи; и теперь они играютъ роль русскихъ оазовъ среди остальныхъ жалкихъ единицъ поселенчества. Нельзя отрицать вліянія на сохраненіе этого населенія въ духовномъ отношеніи—вліянія школы; изъ среды поселенцевъ вышло немало способныхъ народныхъ учителей. Къ чести старыхъ священниковъ и протоіереевъ, вышедшихъ изъ школы Юсифа Сѣмашко, нужно отнести, что благодаря ихъ бдительной заботливости о духовныхъ нуждахъ прихожанъ, частымъ объѣздамъ приходовъ, старая традиція единенія духовенства и паствы, наблюдаемая и теперь въ патриархальныхъ глухихъ уголкахъ Бѣлоруссіи, поддерживалась и въ отдаленной окраинѣ. Все это, въ связи съ извѣстной этнографической устойчивостью, сохранило заброшенное полурусское племя и не дало ему раствориться въ чуждой стихіи.

Отношеніе администраціи къ русскимъ поселенцамъ было довольно индифферентное. Пишущему эти строки, прожившему около сорока лѣтъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи, не извѣстны факты, указывающіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ и другой администраціи въ этомъ направленіи. На приходскихъ храмовыхъ праздникахъ съ интересомъ приходилось прислушиваться къ простымъ душевнымъ бесѣдамъ старыхъ священниковъ о нуждахъ и беззащитномъ положеніи ихъ прихожанъ, и ни одна живая, глубоко поучительная страница настоящей бытовой исторіи всплывала передъ слушателемъ. На мѣстное православное духовенство администрація смотрѣла свысока, видя въ хлопотунахъ попахъ живой укоръ своему бездѣлю. Средняя обезпеченность духовенства, жившаго на небольшое жалованье и кое-какіе доходы отъ угодій, заставляла его жить очень скромно, такъ что и съ этой стороны попъ былъ не братъ чиновнику. Своихъ сыновей большинство священниковъ воспитывало въ гимназіяхъ. Молодые поповичи, выросшіе въ патриархальной трудовой средѣ, вносили хорошую, свѣжую струю народничества въ свои семьи. Въ ихъ рукахъ бывалъ и Костомаровъ, и Гильфердингъ, и Шейнъ, и книжка „Отечественныхъ записокъ“ и многія другія теплыя и живыя книги. Въ семьяхъ священниковъ можно было встрѣтить сочиненія Некрасова, Максимова, Рѣшетникова, даже Шелгунова и Добролюбова. Все это вносила туда молодежь. Старые, добродушные батъки, полусутливо-

схватывавшіеся на домашнихъ диспутахъ съ своими юными сыновьями, подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей и хорошихъ книгъ, проникались и сами идеей народничества, конечно въ той степени, которая была доступна ихъ кругозору. Это должно было поднимать присущій имъ духъ заботливости о бѣдной паствѣ, придавать послѣдней идейную окраску. И они дѣлали что могли. Похлопотать за поселенца, тѣснимаго сельскими властями, устроить дѣтей осиротѣлой семьи, сдѣлать скромную складчину на доброе дѣло, помочь народному учителю устроить дѣтей въ гимназію или городское училище священники не считали обременительнымъ и охотно брались за такія дѣла. За столомъ батюшекъ былъ гостемъ народный учитель, часто единственный собесѣдникъ въ селѣ. Отъ сельскихъ учителей, бывавшихъ на храмовыхъ праздникахъ, преимущественно въ лѣтнее время, можно было узнать много поучительнаго, касающагося мѣстной жизни, положенія сельскаго населенія и проч.

Мѣстное литовское и жмудское населеніе, изъ среды котораго вышло много ксендзовъ, обнаруживало стремленіе къ образованію, и процентъ воспитанниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ довольно значителенъ. Многіе изъ ксендзовъ воспитывали своихъ братьевъ и племянниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поручали народнымъ учителямъ ихъ подготовку; то же дѣлали и мѣстные зажиточные крестьяне. Такимъ путемъ народная школа завоевывала себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что по своей натурѣ литовецъ человѣкъ мирный и уживчивый. Такое же доброжелательное отношеніе туземцевъ было и къ мѣстному православному духовенству. Въ теченіе сорока лѣтъ намъ не приходилось слышать ни объ одной непріязненной выходкѣ по отношенію православнаго священника со стороны туземнаго населенія.

Типъ мѣстнаго народнаго учителя обрисовывается симпатичными чертами. Въ своихъ одинокихъ школахъ эти труженики дѣлали настоящее русское дѣло. Имъ помогала извѣстная интеллигентность и тактъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Зажиточному крестьянину литовцу учитель бывалъ полезенъ, нерѣдко даже въ гражданскихъ дѣлахъ, столь частыхъ въ литовской окраинѣ.—Особенно цѣнило населеніе учителей, занимавшихся въ лѣтнее время садоводствомъ и пчеловодствомъ, и охотно перенимало у нихъ болѣе усовершенствованные приемы этого новаго дѣла. Связь старыхъ, долгослужившихъ учителей съ деревней была довольно прочная.

Отъ общихъ очертаній и силуэтовъ перейдемъ къ характеристикѣ личности, въ которой довольно ярко отразились стремленія

придать этой несовершенной, зарождающейся русской народной жизни извѣстную опредѣленность.

Протоіерей Софроній Лукичъ Зосимовичъ (род. 1835 г.) получилъ воспитаніе въ Литовской духовной семинаріи, былъ по окончаніи ея учителемъ духовнаго училища въ Жировицахъ, а потомъ и смотрителемъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ назначенъ младшимъ священникомъ Ковенскаго собора. Здѣсь онъ сошелся съ протоіереемъ собора Захаріей Сухановымъ, личностью умной и дѣятельной. Сухановъ много работалъ по организаціи переселенческаго дѣла въ Ковенской губерніи. Какъ старожила, онъ хорошо зналъ мѣстныя условія и могъ быть полезенъ при разработкѣ новыхъ для администраціи вопросовъ, выдвинутыхъ возстаніемъ 1863 года. По его иниціативѣ образовано значительное русское поселеніе въ окрестностяхъ г. Ковны. Отзывчивый, способный ориентироваться въ сложномъ дѣлѣ, владѣвшій перомъ Зосимовичъ явился незамѣнимымъ помощникомъ Суханова и скоро обратилъ на себя вниманіе высшей администраціи. Присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, онъ понялъ ея условія, а способность писать легко и живо давала ему возможность раскрыть ихъ въ извѣстной полнотѣ. Онъ свободно могъ ориентироваться и въ нуждахъ мѣстной жизни и въ психологіи русскихъ поселенцевъ. Результатомъ его наблюденій и изученій явилась цѣлая программа развитія въ губерніи народныхъ школъ, улучшенія быта русскихъ поселенцевъ, а также роли администраціи и духовенства въ созданіи новыхъ жизненныхъ нормъ. Этотъ обширный матеріалъ былъ использованъ мѣстной администраціей. Съ однимъ изъ ея представителей, чиновникомъ особыхъ порученій при ковенскомъ губернаторѣ Салтыковымъ, Зосимовичъ близко сошелся. Работы его обратили на себя вниманіе виленскаго генералъ-губернатора Муравьева. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти Зосимовича, сохранились наиболѣе существенныя части этой программы. Различныя стороны мѣстной жизни выступаютъ совершенно опредѣленно; высказывается многое, что нашло осуществленіе въ мѣстной жизни гораздо позже; есть много такого, что еще ждетъ своего проведенія въ жизнь.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ освѣтить детально всѣ стороны этой программы. Ограничимся, потому, наиболѣе существеннымъ.

Однимъ изъ условій благосостоянія русскаго сельскаго населенія губерніи Зосимовичъ считалъ устройство крупныхъ поселковъ въ 300—500 душъ съ народнымъ училищемъ, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, а также болѣе равномерное распределеніе православныхъ приходоу. Такъ какъ русскіе поселенцы были

бѣдны и безпомощны въ веденіи даже примитивнаго хозяйства, то Зосимовичъ высказывался за устройство для нихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, выдачу пособій и безпроцентныхъ ссудъ. Зосимовичу же принадлежитъ мысль о привлеченіи къ участию въ этихъ кассахъ и старообрядцевъ, болѣе многочисленныхъ въ восточныхъ уѣздахъ Ковенской губерніи. Въ этомъ онъ видѣлъ основу для сближенія обѣихъ отраслей русскаго населенія. Исходя изъ мысли, что „въ будущемъ, русское населеніе должно быть жизненною, производительною силою“, онъ видѣлъ въ старообрядцахъ, болѣе стойкихъ и сплоченныхъ, надежное зерно той колонизаціи, которая должна была тѣснѣе связать Ковенскую губернію съ сосѣдними бѣлорусскими. Широкая колонизація должна была сдѣлать внушительнымъ русскій элементъ и для Курляндіи и для Сувалкской губерніи, населенной литовцами. Въ большомъ докладѣ о положеніи православнаго населенія въ Ковенской губерніи Зосимовичъ, нарисовавъ живую картину безнарядья внутренняго и внѣшняго въ жизни этого населенія, указываетъ, что положеніе не оправдываетъ назначенія и цѣли поселеній, что оно „не совмѣстно ни съ разумными намѣреніями правительства, ни съ достоинствомъ господствующей народности, столь жалко и слабо представленной на чуждой окраинѣ“.

Среди мѣстной администраціи проектъ отводитъ болѣе видное мѣсто мировымъ посредникамъ, какъ институту, близко стоящему къ мѣстной жизни. Авторъ проекта сѣтуетъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ посредники уже не пользуются прежнимъ авторитетомъ среди крестьянскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда они вводили уставныя грамоты, но все же они „могутъ кое-что сдѣлать, такъ какъ устройство земельныхъ отношеній еще не вездѣ закончено“. Онъ считаетъ нужнымъ расширить компетенцію мировыхъ посредниковъ путемъ привлеченія ихъ къ заботамъ о матеріальномъ обезпеченіи народныхъ училищъ, совмѣстнымъ съ православнымъ духовенствомъ, улучшеніемъ быта русскихъ поселенцевъ, изученіемъ бытовыхъ и экономическихъ отношеній. Особенно цѣнны его наблюденія, касающіяся западной части губерніи, ея наиболѣе глухихъ уѣздовъ, Россіенскаго и Тельшевскаго, въ которыхъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ могла быть очень полезна. Зосимовичъ горько сѣтуетъ на крайне слабое распространеніе въ нихъ русскаго языка, ничтожное число народныхъ училищъ, отсутствіе русской книги. Служа священникомъ въ Тельшахъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ детально изучилъ эти условія. Зосимовичъ высоко ставилъ и роль духовенства, вышедшаго изъ школы Юсифа Сѣмашко, съ его гуманностью, терпи-

мостью къ иновѣрцамъ, дѣятельною, трезвою жизнью. Духовенство могло бы поднять престижъ русскаго дѣла въ краѣ, при условіи его организаціи, какъ общественной силы. Онъ признавалъ желательнымъ вліяніе духовенства на туземцевъ, народныхъ учителей, особенно начинающихъ. Въ своихъ выводахъ Зосимовичъ опирался на факты мѣстной жизни, весьма любопытные. Изъ другихъ проектовъ, оставшихся въ бумагахъ Зосимовича, обращаютъ вниманіе два. Первый изъ нихъ трактуетъ о приходскихъ и народныхъ училищахъ, другой касается распредѣленія школъ и приходовъ въ губерніи. Первый докладъ заключаетъ наиболѣе интересные выводы въ связи съ значительнымъ бытовымъ матеріаломъ. Мирному вліянію народной школы Зосимовичъ отводитъ первенствующее мѣсто, видя въ немъ мощное орудіе для внесенія въ среду мѣстнаго населенія здравыхъ началъ. Онъ указываетъ на то, что слишкомъ поздно взялись за организацію народной школы, выражаетъ опасеніе за прочную организацію школьнаго дѣла. Послѣдующая сорокалѣтняя исторія насажденія въ Литвѣ русской школы во многомъ подтверждаетъ вѣрность этого взгляда.

Въ проектѣ о народныхъ школахъ поражаютъ многія свѣтлыя мысли, каковы: необходимость изученія народными учителями мѣстнаго нарѣчія, сближеніе ихъ съ населеніемъ, сильная культурная помощь распространеніемъ книгъ, свѣдѣній по садоводству, огородничеству, пчеловодству и нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній, любители и знатоки которыхъ встрѣчаются среди народныхъ учителей. Въ программу народной школы должно входить и природовѣдѣніе. „Обученіе грамотѣ по учебникамъ, слишкомъ методическое, утомляетъ дитя и не такъ рельефно показываетъ неграмотнымъ родителямъ его развитіе. Преподаваніе естественныхъ наукъ придало бы особый интересъ занятіямъ въ народной школѣ. Крестьянинъ—дитя природы. Раскрытіе тайны ея строя и жизни, уясненіе причины явленій природы принесло бы въ жизнь необразованнаго люда много новыхъ понятій, подняло бы значеніе школы“.

Проектъ основывается на детальномъ изученіи народныхъ училищъ. Онъ рисуетъ ихъ печальное состояніе при отсутствіи идеальныхъ умѣлыхъ руководителей и крайне неблагоприятныхъ условій существованія. Обрисовывается также положеніе народныхъ учителей, сносное въ матеріальномъ отношеніи, но неудовлетворительное въ образовательномъ. Учителя лишены правильнаго руководства вслѣдствіе сосредоточенія школьной инспекціи въ Ковнѣ, рѣдкихъ посѣщеній инспекторами школъ; средствъ для самообразованія учителей нѣтъ. Жалкія учебныя пособія, плохая организація книжныхъ складовъ, отсутствіе учительскихъ бібліотекъ—все это

изнанка печальной дѣйствительности. Понимая сложность реорганизаціи народной школы, для которой нужны и средства и преданные дѣлу люди, и нелегкая борьба съ окружающими условіями, Зосимовичъ выдвигалъ въ своихъ проектахъ по народному образованію два фактора: образованіе учителей (въ числѣ пионеровъ школьнаго дѣла въ Ковенской губерніи встрѣчались и отставные солдаты) и устройство женскихъ школъ. Имъ высказана мысль объ учрежденіи учительской семинаріи, которая и была открыта въ 1872 г. въ гор. Поневѣжѣ. Семинарія могла бы привлечь къ образованію дѣтей мѣстныхъ русскихъ посѣленцевъ и старообрядцевъ.

Женское народное образованіе для глухой окраины должно было играть особую просвѣтительную роль. Поднять женщину духовно, внести при ея посредствѣ въ семью темнаго люда свѣтлую мысль, живое начинаніе, доступную для народа книгу—такова задача женскаго воспитанія. Въ своей позднѣйшей брошюрѣ о мѣстномъ Сурдечскомъ монастырѣ Зосимовичъ высказывалъ мысль объ устройствѣ въ Ковенской губ. женскаго монастыря, который могъ бы служить разсадникомъ учительницъ, въ частности рукодѣлій, ремеслъ. Хозяйственный духъ нашихъ монастырей поднялъ бы среди мужского населенія домашнее хозяйство и развилъ бы нѣкоторыя отрасли кустарнаго прозводства. Эта мысль нашла себѣ осуществленіе лишь 25—30 лѣтъ спустя съ открытіемъ Антолептскаго монастыря (Новоалександровскаго уѣзда).

Тепло относится проектъ къ положенію народнаго учителя, что видно изъ слѣдующихъ словъ: „почти всѣ народные учителя поступаютъ на службу прямо съ семинарской скамьи. Они прибыли въ край незнакомый, несродный для нихъ по складу жизни, чуждый по своимъ интересамъ. Въ своихъ глухихъ деревняхъ они не встрѣчаютъ ни русской души, ни русской книги, ни даже православной церкви и священника. Книгъ, которыя помогли бы наставникамъ продолжать образованіе, хоть сколько-нибудь разнообразили ихъ жизнь, у нихъ нѣтъ. Библіотеки при училищахъ рѣдкое явленіе. Учительскіе съѣзды для сближенія наставниковъ пока не учреждены. Если при такихъ условіяхъ учитель не всегда стоитъ на высотѣ своего положенія и черезъ это лишается довѣрія и уваженія, то причины этого надо искать въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится большинство учителей“.

Въ проектѣ проводится мысль, осуществленіе которой могло сдѣлать школу независимой отъ сельскихъ обществъ—полученіе учителями жалованья непосредственно изъ государственнаго казна-

чейства, куда должны быть вносимы положенныя на этотъ предметъ суммы. Онъ предлагаетъ надѣлить народныя училища землею, что увеличило бы содержаніе учителя и дало бы ему занятіе въ каникулярное время. Указывается необходимость учрежденія училищныхъ совѣтовъ съ участіемъ въ нихъ инспекціи, мировыхъ посредниковъ и духовенства. Для улучшенія школьнаго дѣла проектъ рекомендуетъ устройство библіотекъ для учителей, а также и съѣздовъ въ каникулярное время для обсужденія различныхъ педагогическихъ вопросовъ.

Приведенный выше сводъ важнѣйшихъ положеній и мыслей, разсѣянныхъ въ проектахъ Зосимовича, живо рисуетъ міросозерцаніе этого недюжиннаго ума. Отдѣльныя стороны жизни объединяются въ нихъ плодотворными началами служенія народности.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни Зосимовичу пришлось провести при иныхъ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Назначенный законоучителемъ Поневѣжской учительской семинаріи, учрежденной въ 1872 году, онъ принужденъ былъ отдавать большую часть своего времени преподаванію въ ней и мѣстномъ реальномъ училищѣ (съ 1882 года). Не было возможности проводить свои мысли въ болѣе вліятельныхъ сферахъ, приходилось ограничиваться скромной работой на мѣстѣ, горѣть и свѣтитъ для своего уголка. Но зато эта работа ушла въ глубь, отразилась на складѣ личности и міросозерцанія, придавъ имъ черты симпатичныя и глубокія. Въ немъ выработались свойства священника въ его церковно-общественномъ значеніи, которыя снискали Зосимовичу уваженіе лучшихъ людей мѣстнаго общества, какъ личности, пытливо искавшей иныхъ условій жизни для своего уголка. Ярко проявлялись эти симпатичныя черты и въ проповѣдяхъ Зосимовича, и въ его преподаваніи, и въ общеніи съ мѣстной интеллигенціей разныхъ типовъ. Изъ его проповѣдей наиболѣе тишичная произнесена въ день коронованія Императора Александра III; она заключаетъ наброски своего рода общественной программы, характерной для опредѣленія міросозерцанія самого проповѣдника.

Приводимъ изъ нея наиболѣе характерныя мѣста.

„Да почиетъ же Его (Божій) Духъ святыи и озаритъ яснымъ свѣтомъ царственныхъ доблестей душу Его избранника. Да ниспослетъ Онъ ей съ неба благодатный миръ и крѣпость духа и тѣла въ минуты невзгодъ; воодушевитъ царственную душу и дастъ ей силу исполнскую въ минуты раздумья, чтобы тяжкое бремя подвига царствованія услаждало и воодушевляло душу, и она сохранила внимательность и чуткость къ движеніямъ собственнаго сердца

и къ голосу сердца народнаго, и на этомъ вѣрномъ Богу сердце царевомъ покоились надежды, радости и благо народа и во дни радости и во дни печали народной.

„Да почиеть этотъ благодатный Духъ на всѣхъ насъ; да будетъ онъ свѣтомъ и теплотою нашихъ общественныхъ роста и жизни. Да внесеть онъ миръ въ сердца и умы колеблющіеся и маловѣрные, оживить сердца и умы удрученные, умилишь души мрачныя и черствыя; да воодушевитъ и укрѣпитъ онъ нашу вѣру въ себя, въ наши силы, въ наше будущее. Да подниметь этотъ творческій духъ нашу общественную дѣятельность, ободритъ однихъ, подвигнетъ слабѣющія силы другихъ, возбудитъ къ дѣятельной жизни сонныхъ и безпечныхъ.

„Да озаритъ и согрѣетъ онъ, Духъ блага и истины, нашу гражданскую совѣсть, громко заговоритъ въ нашемъ сердцѣ о человѣчности и правдѣ, о судѣ и любви, о человѣческихъ правахъ ближняго, безкорыстія, честности и самоотверженія. Да уничтожитъ онъ въ нашемъ сердцѣ неоправданныя мечты и научитъ насъ дружной работѣ на благо общее, насколько есть у каждаго изъ насъ сила, вдохновенія и умѣнія, насколько хватаетъ жизни; да научитъ онъ насъ уважать другъ друга, чужіе труды, мысль и честныя стремленія къ служенію на пользу общественную. Да скажетъ онъ намъ, гдѣ суть нашей народной жизни и нашего развитія, и еще тѣснѣе соединитъ насъ во имя общности нашихъ интересовъ и во имя родной земли въ одно неразрывное цѣлое“...

Исканіе народныхъ началъ придаетъ симпатичный оттѣнокъ взглядамъ Зосимовича. И въ другихъ проповѣдяхъ слышится та же хорошая общественная нотка, призывъ къ самоанализу личному и общественному. Послѣдній рѣдко выливается въ форму укора нашей косности и дряблости, чаще въ немъ чувствуется бодрое настроеніе, за честную общественную работу, за свѣтлую мысль, за безкорыстное служеніе родинѣ и ближнему ратуютъ его проповѣди.

Мы не имѣемъ возможности въ небольшой статьѣ дать полный обзоръ всего высказаннаго Зосимовичемъ въ официальной перепискѣ по дѣламъ учебнымъ, не можемъ входить въ подробности многихъ интересныхъ эпизодовъ педагогической и церковно-общественной жизни, въ которыхъ онъ на высотѣ своихъ излюбленныхъ воззрѣній обрисовывается, какъ личность святая и далеко недюжинная. Упомянемъ лишь о его разъясненіяхъ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ и объ организаціи воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ. Обѣ эти работы проникнуты тою же широтою взглядовъ, тѣмъ же почитаніемъ общественныхъ потреб-

ностей, которыя мы видѣли выше. Подъ конецъ ему пришлось выполнить большую работу, по порученію попечителя Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго. Сущность ея заключалась въ изображеніи отношеній болѣе сознательныхъ слоевъ мѣстнаго крестьянства ко всему русскому, въ зависимости отъ степени знакомства ихъ со складомъ русской жизни въ Петербургѣ, Москвѣ и др. мѣстахъ Россіи, куда попадаетъ литовскій крестьянинъ въ качествѣ солдата или для заработка. Трудъ этотъ предполагалось перевести на литовскій языкъ, но дѣло это не осуществилось. Большая статья Зосимовича (въ беллетристической формѣ) заключала много бытового матеріала, цѣннаго какъ результатъ наблюденій очевидца.

Полнѣе могутъ быть освѣщены тѣ стороны личности и воззрѣній Зосимовича, которыя даютъ намъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ просвѣтительными церковно-общественными стремленіями. Этотъ идеализмъ, въ которомъ встрѣчаются отраженія взглядовъ временъ Сѣмашки, отрѣшенные отъ нѣкоторой старинной церковности, опирающіяся на болѣе широкія тенденціи во вкусѣ Хомякова, интересны элементами реформы, которые не чужды лучшей части нашего духовенства. Сближеніе народа и интеллигенціи, церкви и общества на общей почвѣ продуктивной и просвѣтительной работы наиболѣе симпатичная сторона этой программы.

Извѣстный уровень идеализма поднималъ этого человѣка надъ жизнью, заставлялъ его цѣнить хорошее настроеніе, предпочтительно передъ отраженіемъ ихъ въ административной формѣ, къ чему подчасъ склонны и мыслящіе люди. Онъ избѣгалъ говорить о мѣстныхъ епархіальныхъ дѣлахъ, въ которыхъ чувство общественнаго дѣятеля не позволяло ему видѣть чего-либо выходящаго за предѣлы зауряднаго дѣлопроизводства, далекаго отъ жизни. Служеніе интересамъ родного края онъ понималъ широко, какъ проведеніе въ жизнь началъ, выработанныхъ въ нѣдрахъ народности. Вводитъ эти начала въ жизнь значило придавать послѣдней устойчивость, не имѣющую ничего общаго со скороспѣлыми эфемерными мѣропріятіями, создаваемыми въ кабинетахъ и канцеляріяхъ. Зосимовичемъ еще въ концѣ шестидесятыхъ гг. были намѣчены планы церковныхъ собесѣдованій, которыя должны были обнимать не только доступный пониманію простолюдина кругъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ, но и способствовать въ извѣстной степени общественному воспитанію заброшенныхъ за дальній рубежъ русскихъ людей. По мысли Зосимовича этого рода собесѣдованія, веденныя систематически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, могли пробудить въ

мѣстномъ русскомъ населеніи племенное сознаніе и, расширяя его тѣсный умственный кругозоръ, способствовать развитію въ немъ предприимчивости, которой такъ бѣденъ бѣлоруссъ. Сохранились и программы этихъ собесѣдованій въ видѣ конспектовъ и полуобработанныхъ набросковъ.

Если вспомнить, что такіе проекты создавались за полвѣка, то становится тяжело при мысли о долгихъ годахъ безвременья, полного равнодушія къ идейнымъ интересамъ этихъ заброшенныхъ на чужбину выходцевъ, принужденныхъ въ одиночку вести тяжелую жизненную борьбу.

Жмудскій епископъ на покой, какъ шутливо называли Зосимовича нѣкоторые изъ его друзей, считавшіе его пригоднымъ для бѣльшаго дѣла, чѣмъ законоучительство въ захолустной семинаріи, не тяготился жизнью въ уѣздномъ городѣ. Въ свою семинарію онъ внесъ много живого, привилъ здоровыя начала. Онъ старался поддерживать ихъ, не прерывая связи съ народными учителями, своими питомцами. Это сближеніе было полезно и для него, такъ какъ онъ узнавалъ много интереснаго, касающагося самыхъ глухихъ уголковъ мѣстной жизни.

Его умъ, жадно впитывавшій все близкое къ жизни, преломлялъ усвоенное подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который симпатично освѣщалъ отдѣльные, повидимому, мелкіе моменты и явленія. На этихъ крупницахъ жизни, какъ выражался Зосимовичъ, лежалъ отпечатокъ большого цѣлаго, осмыслить которое онъ пытливо стремился.

Все, что касалось труда, жизни, надежды и значенія народнаго учителя пріобрѣтало въ его глазахъ первостепенную важность. Помнится, какъ отзывчиво относился онъ къ тѣмъ безвѣстнымъ труженикамъ, которые изнемогали подъ гнетомъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, тяжелыхъ житейскихъ отношеній. Эти обитатели глухихъ селъ и деревушекъ были особенно близки его сердцу. При свиданіяхъ съ ними онъ не зналъ какъ ихъ обласкать, какъ поддержать духовно. Свѣтлое впечатлѣніе выносили они послѣ душевной бесѣды со своимъ доброжелательнымъ и умнымъ законоучителемъ. Не одному изъ нихъ придали бодрости эти бесѣды, не у одного изъ нихъ сохранилось свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто любилъ ихъ, думалъ о нихъ, болѣлъ за нихъ душою.

Народныхъ учителей онъ защищалъ, гдѣ это нужно было для пользы дѣла. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ официальной перепискѣ была высказана мысль, что учительская семинарія „ошляхетниваетъ“ учителя, дѣлаетъ его баринкомъ въ деревнѣ.

Зосимовичу пришлось писать по этому поводу. Въ его краснорѣчивой бумагѣ выпукло выступали тѣ стороны жизни народнаго учителя, съ которыми мѣстная администрація, учебная и неучебная, не считалась, но которыя имѣли несомнѣнно культурное значеніе, возвышая народнаго учителя въ глазахъ мѣстнаго зажиточнаго сельскаго населенія. Мирная, скромная работа народнаго учителя цѣнилась Зосимовичемъ по прочной пользѣ, приносимой ею. Чрезвычайно тепло отзывался онъ о тѣхъ скромныхъ труженикахъ, которые сохранили въ глухихъ углахъ и извѣстный уровень интеллигентности и хорошія традиціи, вынесенныя изъ учительской семинаріи.

Свое преподаваніе Зосимовичъ направлялъ къ конкретнымъ цѣлямъ. Онъ прекрасно понималъ, что тотъ кругъ свѣдѣній, который учащіеся приобрѣтаютъ подъ руководствомъ законоучителя, цѣненъ не самъ по себѣ, какъ теоретическій придатокъ къ другимъ отраслямъ знанія, а своею внутреннею силою, истинами вѣры и нравственности. Раскрыть сущность этихъ истинъ, сдѣлать ихъ близкими душѣ ребенка и юноши—вотъ въ чемъ заключалась обязанность законоучителя. Онъ осуществлялъ ее умѣло и съ пользою. Живой, образный языкъ, способность уловить характерныя особенности излагаемаго, указывать на примѣненіе ихъ къ жизни въ соотвѣтствіи съ высшими запросами духа дѣлали его уроки не только привлекательными, но и поучительными. Помнятся программы отдѣльныхъ классовъ, составленныя изящно и содержательно. Въ нихъ выступали тѣ стороны морали и религіи, которыя наиболее близко соприкасаются съ жизнью. Въ высшихъ классахъ Зосимовичъ выдвигалъ тѣ стороны церковно-исторической жизни, которыя способны были пробуждать въ молодежи и живую мысль и трезвое народное настроеніе. Особенно хороши были его уроки по исторіи русской, въ частности западно-русской церкви. Старина возставала въ его изложеніи, какъ живое отраженіе народности; она была обвѣяна глубокимъ чувствомъ любви. Нѣсколько опоэтизированныхъ страницы прошлаго входили, какъ живая иллюстрація, въ общее міровоззрѣніе учащагося, углубляя и просвѣтляя его. Особенно полезны были эти разъясненія будущимъ народнымъ учителямъ, раскрывая имъ прошедшее родной нивы, на которой они были призваны работать, какъ сознательные сѣятели разумаго и добраго. Законоучитель стремился привить имъ любовь къ бѣдной родной деревнѣ, скромному храму роднаго села, обстановкѣ и личности простаго человѣка.

Болѣе выпукло эта черта выразилась въ небольшой изящной юбилейной рѣчи въ память Кирилла и Меѳодія (1885 г.), а также

въ большомъ прочувствованномъ словѣ на открытіе Поневѣжскаго реального училища, дышавшаго горячею любовью къ учащейся молодежи, семьѣ и идеальному назначенію школы. Обѣ эти рѣчи были напечатаны въ мѣстномъ органѣ при учебномъ округѣ.

Зосимовичъ смѣялся надъ формализмомъ школы, ея погоней за внѣшнимъ успѣхомъ, ея мелочной регламентаціей, шедшей рука объ руку съ идейною бѣдностью. Онъ былъ врагомъ того, что мѣтко называлъ педагогической сутолокой и дребеденью. По его мысли школа должна была получить совершенно иную организацію, стать ближе къ учащейся молодежи и ея духовнымъ интересамъ, а это возможно лишь путемъ подъема авторитета учителя, предоставленія послѣднему болѣе широкихъ средствъ для дальнѣйшаго развитія.

Не только примиреніе съ тѣнями прошлаго, но и горячая любовь къ жизни отцовъ проходила яркой чертою въ церковныхъ поученіяхъ Зосимовича, въ коихъ выступала старина, обвѣянная теплымъ чувствомъ, но ошибся бы тотъ, кто видѣлъ въ этихъ задушевныхъ словахъ слѣпой диеирамбъ прошлому. Въ поученіяхъ Зосимовича пробивалась и другая струя, такъ сказать, общечеловѣческая, исканіе живыхъ образовъ, въ которыхъ могли бы воплощаться отзвуки добра, правды, гуманности. Хороши были по тону и колориту его надгробныя слова по случаю смерти мѣстныхъ старыхъ заслуженныхъ протоіереевъ и священниковъ или же полезныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ нихъ ярко выступали условія жизни родного уголка, его духовныя нужды. Мысль о новомъ человѣкѣ, честномъ, отзывчивомъ, близкомъ къ просвѣтленнымъ завѣтамъ добра и правды, мелькала въ этихъ поученіяхъ. Эта излюбленная мысль Зосимовича окрыляла его слово и въ известной степени мирила съ невеселымъ настоящимъ. По крайней мѣрѣ, только этой надеждой на лучшее, къ которой склонны люди, умудренные опытомъ жизни, можно объяснить отсутствіе въ его рѣчахъ мрачныхъ нотъ, осужденія.

Зосимовичъ печаталъ свои поученія въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ его рѣчей и брошюры о Сурдечскомъ монастырѣ (безъ имени автора) онъ помѣстилъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за 1885 г.) воспоминанія объ епископѣ Игнатіи, одномъ изъ духовныхъ дѣятелей Сѣверо-Западнаго края. Этимъ и ограничивается все печатное наслѣдство даровитаго протоіерея. Владѣя перомъ, умѣя проникать въ смыслъ запросовъ жизни, онъ, казалось, былъ созданъ для работы на болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ официальная и полуофициальная пере-

писка. Умному и наблюдательному человѣку было что сказать о близкомъ, родномъ дѣлѣ, тронуть эту непочатую ниву. Но жизнь слишкомъ занимала его и, легко работая въ кабинетѣ, онъ не чувствовалъ возможности оторваться отъ живыхъ впечатлѣній, которыя имѣли для него прелесть чего-то цѣльнаго. Много вліяло и отсутствіе духа инициативы, отсутствіе духовныхъ толчковъ, такъ часто наблюдаемое въ провинціи. Петербургъ, въ которомъ у него жилъ братъ—литераторъ, Зосимовичъ посѣщаль очень рѣдко на короткое время и не имѣлъ сношеній съ пишущимъ міромъ. Впрочемъ, уйти въ міръ отвлеченныхъ идей не позволяла ему слишкомъ живая натура, сохранившая надъ нимъ свои права и въ преклонные годы. Бодрый духомъ, впечатлительный и отзывчивый, онъ не могъ сосредоточиться на одной умственной работѣ. Нужны были исключительные стимулы, чтобы выбить его изъ обычной колеи спокойнаго наблюдателя, скромнаго мыслителя въ своемъ тихомъ уголкѣ. „Не книги дѣлаютъ жизнь, повторялъ онъ не разъ, книги, такъ сказать, кристаллизуютъ жизнь, отливая въ готовые формы всю совокупность ея живыхъ явленій. Онѣ важнѣе для потомства и исторіи, чѣмъ для современниковъ. Въ книгѣ далеко не всѣ разсѣянные лучи этой жизни собираются въ яркіе фокусы; не всегда есть и возможность — умалчиваю о художественныхъ талантахъ — осязать формы этой жизни, постигать то, что творится живыми людьми“.

Ставя серьезныя задачи періодической прессѣ, онъ сѣтовалъ, что у насъ отдѣльныя части одного цѣлаго такъ мало знаютъ другъ друга, что кровные интересы и нужды народности, столь разнообразные на противоположныхъ окраинахъ государства, не становятся достояніемъ широкихъ круговъ образованныхъ людей. Этимъ онъ объяснялъ слабое развитіе общественнаго самосознанія, обидный индифферентизмъ къ своему, въ частности къ обездоленнымъ, нуждающимся въ свѣтѣ и духовной помощи людямъ. Эту любимую свою тему онъ развивалъ задумчиво; истиннымъ наслажденіемъ было слушать его въ долгіе зимніе вечера, въ уютномъ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ митрополита Іосифа Съмашко. Мысль невольно переносилась отъ настоящаго къ инымъ свѣтлымъ перспективамъ, когда для бѣднаго поселенца и скромнаго народнаго учителя настанутъ лучшіе дни.

Зосимовичъ сохранилъ отзывчивость на общественные вопросы до конца своихъ дней, не забывая обязанности священника-гражданина откликаться своимъ словомъ на все, что волнуетъ человѣка и общество. Прикованный къ одру болѣзни, онъ по поводу какой-нибудь исторической годовщины списывалъ цѣлые листы, передавая

ихъ сослуживцамъ. Немало было въ этихъ горячихъ и изящныхъ строкахъ чистыхъ и честныхъ думъ, свѣтлыхъ надеждъ; въ нихъ слышался призывъ къ работѣ мысли и души.

Любовь къ темнымъ, глухимъ приходамъ, въ которыхъ, по его выраженію, въ тишинѣ работала народная дума, теплилось хорошее, свѣтлое чувство, создавались простые, симпатичные типы, не умерла въ немъ въ поздніе годы. Много интересныхъ рассказовъ, впечатлѣній и наблюденій передавалъ онъ въ вечерніе досуги. Съ особенной любовью характеризовалъ онъ стойкихъ, честныхъ стариковъ священниковъ, а также и новое поколѣніе духовенства, стремившееся къ плодотворной дѣятельности на пользу приходовъ. Онъ любилъ переноситься въ скромную обстановку сельскаго священника, среди которой зрѣли добрыя начинанія для этихъ мелкихъ ячеекъ народности, медленнымъ трудомъ поднимаемыхъ къ духовной жизни, заброшенныхъ, захоластныхъ приходовъ. „Когда тамъ зажгутся чистыя свѣчи народности, когда наша Бѣлоруссія покроется очагами вѣры и просвѣщенія, тогда можно будетъ думать объ обновленіи общественно-религіозной жизни въ нашемъ забытомъ исторіей краѣ“, говорилъ онъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ молодыми священниками онъ выяснялъ имъ трудности ихъ общественнаго служенія. Священнику, поставленному между приходомъ, администраціей, собственнымъ начальствомъ, а кое-гдѣ и старообрядцами, нужно было проявлять много такта, осторожности и благоразумія, чтобы не уронить ни себя, ни того дѣла, которому онъ былъ призванъ служить. Большое значеніе придавалъ онъ проповѣди, лучшей школѣ для священника. Онъ видѣлъ въ ней живую книгу для народа. Она заставляла интенсивнѣе работать мысль, пробуждала то лучшее, что обыкновенно глубоко спитъ въ душѣ. „Въ умѣлыхъ и честныхъ устахъ, говорилъ онъ, живое слово всегда можетъ оправдать себя, если въ него влита капля сердечности и сознанія нравственнаго долга“.

Зосимовичъ былъ привязанъ къ тому уголку, куда забросила его судьба. Онъ жилъ его интересами, слѣдилъ за ростомъ его духовныхъ и общественныхъ стремленій, наблюдаемымъ въ молодомъ поколѣніи интеллигенціи, съ которой онъ охотно сближался. Чутко угадывалъ онъ тѣ молодыя натуры, которыя оказывались воспріимчивыми къ высшимъ стремленіямъ. Былъ ли это судебный дѣятель, или педагогъ средней школы, или скромный народный учитель, Зосимовичъ со всякимъ бесѣдовалъ подолгу. Умный и наблюдательный, онъ извлекалъ изъ этихъ бесѣдъ необходимое для себя, молодѣлъ душою. Помнятся его бесѣды о необходимости юридической помощи бѣдному люду, защиты земельныхъ и имуществен-

ныхъ интересовъ крестьянъ, попадающихъ въ цѣпкія руки мѣстныхъ дѣльцовъ, его мысли о расширеніи курса народной и средней школы и проч.

Живой нервъ современности сказывался въ этомъ человѣкѣ. Онъ давалъ возможность сводить къ одному принципу разнообразныя явленія окружающей среды. Послѣднее опредѣленно выражалось въ его проповѣдяхъ, привлекательною стороною которыхъ являлась идейная проникновенность, сліяніе благого порыва и трезваго факта дѣйствительности. Эта интеллектуальная амальгама пріобрѣтала особую свѣжесть, благодаря теплому, задушевному тону, а также нѣкоторому налету грусти и размышленія.

И на эту живую натуру находила подчасъ тоска. Тогда Зосимовичъ брался за своихъ любимыхъ поэтовъ и въ нихъ черпалъ запасы образовъ, идей и чувствъ, утверждавшихъ его еще сильнѣе въ любви и служеніи своему темному уголку. Въ послѣдніе годы онъ носился съ мыслью о періодическомъ изданіи, въ которомъ находили бы освѣщеніе интересы народной школы. Въ немъ онъ видѣлъ средство поднять самосознаніе народнаго учителя. Это была послѣдняя вспышка тѣхъ благородныхъ стремленій, которыми ознаменовались ранніе годы его дѣятельности.

Не праздно проходила его полная свѣтлыхъ думъ и хорошихъ настроеній жизнь. Если бы этому человѣку пришлось работать въ большемъ центрѣ, чѣмъ захолустный городокъ, онъ могъ бы проявить больше дѣятельности. Но живая сила не всегда можетъ найти себѣ у насъ живое примѣненіе, а почтенный дѣятель былъ слишкомъ гордъ, чтобы напоминать о себѣ.

Многолѣтній недугъ подтачивалъ силы Зосимовича. Въ концѣ 1895 года обнаружались тревожные признаки, а съ начала слѣдующаго года онъ слегъ. Тяжелы были и для него и для окружающихъ послѣдніе пять мѣсяцевъ медленной агоніи, постепенно разрушавшей крѣпкій нѣкогда организмъ. Въ эти тяжелые дни борьбы съ недугомъ больной не забывалъ того, чѣмъ онъ интересовался въ прежніе лучшіе годы. Конечно, бесѣды его не отличались прежнимъ спокойствіемъ, прежнею идейною ясностью, но трогательно было наблюдать эти симпатичные проблески мысли въ борьбѣ съ непригляднымъ окружающимъ. Больной не скрывалъ отъ себя рокового исхода. Онъ не говорилъ о своихъ опасеніяхъ близкимъ. Только съ немногими испытанными друзьями онъ былъ вполне откровененъ. Впрочемъ, неизбежный конецъ не страшилъ его. Религіозность и житейское благоразуміе примиряли его съ кончиною. „Прожита жизнь; не безъ пользы прошла она въ трудахъ и хорошихъ честныхъ мысляхъ. Я уже старъ; пора и въ иной лучшей

міръ“, говорилъ онъ. Онъ умеръ раннимъ утромъ 17 іюня 1896 года послѣ тяжелой агоніи, начавшейся еще наканунѣ.

Скромны были похороны этого человѣка, отдавшаго свою жизнь разумному служенію жизни, продумавшаго не одну свѣтлую думу для блага скромнаго родного уголка.

Въ немъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ могиканъ старой жизни, которая не можетъ быть забыта, такъ какъ она коренилась на лучшихъ завѣтахъ народности. Но въ немъ эта жизнь просвѣтлялась и осложнялась новыми, высшими запросами, не теоретическими, а прямо вытекавшими изъ пониманія интересовъ народности.

Адр. Круковскій.

